

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, августа 23-го.

Содержаніе: Объ иконописныхъ изображеніяхъ св. Іоанна Предтечи, Крестителя Господня.—Величіе и важность пастырскаго служенія.—Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики.—Церковно-богослужебная терминологія (продолженіе).

Объ иконописныхъ изображеніяхъ св. Іоанна Предтечи, Крестителя Господня.

Понятно то глубокое благоговѣніе среди христіанъ къ священной памяти величайшаго изъ пророковъ, каковымъ всегда пользовался Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ, о которомъ Самъ Спаситель въ бесѣдѣ съ Своими учениками сказалъ, что „изъ рожденныхъ женами не возсталъ большій Іоанна Крестителя“ (Мтѣ. 11, 11; Лук. 7, 25). Понятно, что и письменныя изображенія св. Предтечи должны были появиться у христіанъ весьма рано. Древніе художники христіанскіе старались запечатлѣть въ памяти не только черты лица того, кто стоялъ на рубежѣ Вѣтхаго и Новаго Заѣ-

товъ, но изображали и всѣ важнѣйшія событія изъ жизни и дѣятельности св. Іоанна Крестителя. Иконографическія изображенія Предтечи выработались и стали извѣстны среди христіанъ очень рано ¹⁾. Древне-христіанскіе художники, судя по сохранившимся иконописнымъ изображеніямъ, главнымъ источникомъ и основаніемъ для иконографіи Предтечи всегда полагали, какъ и слѣдовало, евангельскія повѣствованія объ образѣ его жизни, характерѣ и дѣятельности. О жизни Предтечи, хотя и кратко, говорится у всѣхъ четырехъ евангелистовъ. Вездѣ онъ изображается, какъ аскетъ и подвижникъ, проводящій жизнь въ пустынѣ, не пьющій вина и сикера, проповѣдующій покаяніе и крестящій въ Іорданѣ во имя грядущаго Мессіи ²⁾. По свидѣтельству евангелистовъ, онъ носилъ грубую одежду изъ верблюжьяго волоса и кожаный поясъ, питался акридами и дикимъ медомъ. Въ зрѣломъ возрастѣ св. Іоаннъ является на берегахъ Іордана проповѣдникомъ покаянія и приближенія царства небснаго и въ знакъ покаянія креститъ въ Іорданѣ во имя грядущаго Мессіи, говоря, что идущій за нимъ будетъ креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ (Мтѣ. 3, 2, 11; Мрк. 1, 8; Лук. 3, 16). За строгую подвижническую жизнь современники принимали св. Іоанна за Мессію и вѣрили, что послѣ смерти отъ руки Ирода, онъ снова воскресъ въ лицѣ Спасителя (Іоанна 1, 20, 25; 3, 28; Дѣян. 13, 25; Мтѣ. 14, 1 — 2, 16, 14, Лук. 9, 7 — 9). Таковы основанія для правильной иконографіи Предтечи. Памятники греко-восточной иконографіи въ общемъ дѣйствительно соотвѣтствуютъ духу евангельскихъ повѣствованій. Св. Іоаннъ Предтеча обыкновенно изображается мужемъ зрѣлаго возраста, съ бородой, не очень густой и нѣсколько продолговатой, съ длинными волосами, отпущенными

1) Древнѣйшій памятникъ, заключающій въ себѣ изображеніе Предтечи, относятся ко 2-му вѣку. Пр. Соб. 97 г. т. 2.

2) Лук. 1, 15; Мтѣ. 3, 1 — 16; 11, 2 — 14; 14, 1 — 12; Мрк. 1, 1 — 10; Лук. 1, 5 — 25; 3, 1 — 22; 7, 18 — 28, 33; Іоан. 1, 6 — 37.

по назарейски, какъ у Спасителя, съ которымъ на иконописныхъ памятникахъ онъ имѣеть нѣкоторое сходство. Нѣкоторая строгость, суровость и угрюмость въ выраженіи лица Предтечи—черты, особенно замѣтныя въ древнѣйшихъ изображеніяхъ, очевидно, имѣють цѣлью выразить строгость его жизни и высоту служенія. Древнѣйшія изъ восточныхъ изображеній Іоанна Крестителя сохранились въ такъ называемыхъ „Деисусахъ“, изъ которыхъ самый древній по времени относится къ 9 в.,—это Деисусъ изъ евангелія Гаенатскаго монастыря близъ Кутаиса на Кавказѣ. Св. Предтеча изображень здѣсь во весь ростъ въ видѣ худоцаваго мужчины зрѣлыхъ лѣтъ съ продолговатой бородой и съ довольно суровыми чертами лица 1). Въ евангельскихъ повѣствованіяхъ собственно не указываются точно черты лица Іоанна Предтечи и древніе художники съ большимъ, повидимому, вниманіемъ остававливались на изображеніи одеждъ и другихъ внѣшнихъ принадлежностей Іоанна Крестителя, чѣмъ на его лицѣ, хотя и въ этомъ случаѣ не замѣтно особенной устойчивости. Св. Предтеча изображается обыкновенно съ открытой головой и босымъ, что вполнѣ согласуется съ аскетической строгостью, смиреніемъ и простотой его жизни на землѣ и какъ обыкновенно ходили древніе проповѣдники. Что касается собственно одежды, то древніе художники изображали Предтечу какъ съ длинными одеждами, такъ и съ короткими, при чемъ туника рисовалась какъ волосяною, такъ и не волосяною. Въ настоящее время большинство художниковъ, согласно евангельскому повѣствованію, не сомнѣваются, что Предтеча имѣлъ вполнѣ достаточную одежду, хотя, по обѣту назорейства, очень простую, и потому изображаютъ его въ длинной туникѣ, которая, какъ говорится въ евангеліи (Мтѣ. 3, 4; Мрк. 1, 6), сдѣлана была изъ верблюжьей шерсти и для удобства въ движеніяхъ стягивалась кожанымъ поясомъ. Туника была тканая, хотя и грубой работы; поверхъ туники

1) См. Пр. Соб. 97 г. т. 2.

набрасывался небольшой величины плащъ тоже изъ грубой матеріи. Съ подобными одеждами, вполне согласными съ евангельскимъ разсказомъ, изображаютъ св. Іоанна Предтечу почти всѣ православные художники.

Св. Іоаннъ Предтеча очень часто изображается на иконахъ съ различными принадлежностями. Мы укажемъ только важнѣйшія изъ нихъ и наиболѣе употребительныя. Древнѣе другихъ слѣдуетъ признать агнца. Этотъ символъ, очевидно, взятъ со словъ самого Іоанна Предтечи, которыми онъ исповѣдалъ на берегахъ Іордана шедшаго къ нему Спасителя: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). Изображенія Іоанна Крестителя, указывающаго на агнца, были очень распространены до 7 в., но потомъ, послѣ того какъ 82-мъ правиломъ Трулльскаго собора (692 г.) постановлено было—вмѣсто ветхозавѣтнаго агнца изображать Іисуса Христа въ человѣческомъ образѣ, символъ агнца стали замѣнять на востокѣ другими символами 1). Впрочемъ, въ нашей отечественной Церкви символическое изображеніе агнца, не смотря на запрещеніе Трулльскаго собора, продолжало существовать довольно долго, что видно изъ Стоглава (1551 г.) и изъ розыска по дѣлу о Висковатомъ, гдѣ приводится подтвержденіе древняго постановленія Трулльскаго собора. „Агнецъ, говорится здѣсь, данъ былъ въ образъ истиннаго Христа Бога нашего, а не подобаетъ почитать образъ паче истины, и Агнца на честныхъ иконахъ писать, перстомъ Предтечевымъ показуема, но писать Самого Христа Бога нашего по человѣческому образу“. Такое отступленіе нашихъ предковъ отъ соборныхъ постановленій и практики греко-восточной Церкви тѣмъ болѣе представляется страннымъ, что, вообще говоря, они очень строго слѣдили за обрядовыми особенностями вѣры, малѣйшее отступленіе отъ принятыхъ образцовъ считали ересью, а на самое иконописаніе смотрѣ-

1) На это же правило Трулльскаго собора ссылается и седьмой вселенскій соборъ въ Никей 787 г.

ли, какъ на одну изъ отраслей церковной службы. Русскій иконописецъ, по мысли Стоглава, долженъ былъ писать иконы, „смотря на образъ древнихъ иконописцевъ“ 1); ему запрещалось даже употреблять свою кисть на изображеніе предметовъ, не принадлежавшихъ къ области церковно-религиозной. Очевидно, только незнакомствомъ съ соборными постановленіями можно объяснить то обстоятельство, что предки наши, въ такомъ важномъ для нихъ вопросѣ, допустили новшество, тогда какъ у Грековъ Трулльскій соборъ своимъ запрещеніемъ совсѣмъ прекратилъ писаніе иконъ съ изображеніемъ Христа въ видѣ агнца. Въ западной церкви, которая, какъ извѣстно, не признала Трулльскаго собора въ Константинополѣ дѣйствительнымъ, и до настоящаго времени агнецъ удерживается, какъ символъ Христа. Но не смотря на господство у насъ иконописныхъ образцовъ византійскаго искусства, западное вліяніе незамѣтно прокрадывалось къ намъ сначала (15 в.) чрезъ Новгородъ и Псковъ, а потомъ (17 в.) чрезъ Литву, Польшу и Малороссію и такъ или иначе заявляло себя въ области иконографіи. Неудивительно, что именно этимъ путемъ проникло къ намъ и западное изображеніе Христа въ видѣ агнца. На востокѣ же, гдѣ въ это время менѣе сказалось вліяніе запада, изображеніе Христа подѣ символомъ агнца замѣнилось такъ называемыми „Деисусами“, на которыхъ изображали, какъ и теперь изображаютъ, Христа въ царскомъ или архіерейскомъ облаченіи, а по бокамъ величайшихъ молитвенниковъ (Деисусъ-отъ *δέησις* — моленіе) за родъ человѣческой — Богоматерь и Іоанна Предтечу, указывающаго на Христа. Это изображеніе сдѣлалось любимѣйшимъ и на Руси, не смотря на продолжавшееся у насъ символическое изображеніе агнца.

Въ древнихъ иконописныхъ памятникахъ встрѣчается иногда изображеніе св. Іоанна Предтечи съ крестомъ или посохомъ въ рукѣ; впрочемъ, въ восточной Церкви такія изо-

1) См. Стоглавъ стр. 151. Изд. Кожанчикова 1863 г.

браженія очень рѣдки. Православные иконописцы больше предпочитали изображать Иоанна Предтечу съ другимъ символомъ—съ крыльями, на подобіе ангела, и дѣлали это, очевидно, на основаніи самаго евангелія. „*Сей бо есть, о немъ же есть писано: се азъ посылаю ангела Моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою*“ (Мтѣ. 11, 9—10; Мрк. 1, 2; Лук. 7, 26—27). Такой символъ долженъ указывать на высоту подвижнической жизни Предтечи и его служенія. Въ русскомъ иконописаніи символическое изображеніе крыльевъ очень употребительно. У насъ изображаютъ иногда съ крыльями Пресв. Богородицу, апост. Петра, препод. Антонія и Θεодосія Печерскихъ и другихъ святыхъ, проводившихъ жизнь въ безбрачїи, и крылья служатъ вообще символомъ дѣвственности.

Въ 11 или 12 вв. въ греко-восточной Церкви появились изображенія св. Иоанна Предтечи съ головою, лежащею на блюдѣ или въ чашѣ и поддерживаемой лѣвою рукою Крестителя. Эти изображенія Предтечи извѣстны у насъ подъ именемъ иконъ „Иоанна Предтечи съ усѣновеніемъ“ и встрѣчаются довольно рѣдко. Иные находятъ такія изображенія Предтечи соблазнительными на томъ основаніи, что этого не можетъ быть на самомъ дѣлѣ; во въ такомъ случаѣ пришлось бы считать соблазнительными и другія изображенія, напр., крылья у святыхъ, которыхъ они на самомъ дѣлѣ не имѣли. Съ 13 в. въ греко-восточной Церкви общеупотребительнымъ сдѣлалось помѣщеніе на изображеніяхъ Предтечи свитка съ изреченіями и безъ нихъ. Чаше другихъ помѣщаются слѣдующія изреченія Иоанна Крестителя, взятая изъ евангелій: „покайтесь, приближися церствіе небесное“, „се агнецъ Божій“. Употребленіе свитка вышло, очевидно, изъ желанія внѣшнимъ образомъ указать на то, что какъ бы выходило изъ устъ изображеннаго лица, почему на свиткахъ и пишутся обыкновенно или подразумеваются только изреченія, принадлежащія изображенному святому. Очень рѣдко на иконахъ Иоанна Предтечи изображается еще сѣкира, очевидно, напо-

минающая евангельскія слова Предтечи „уже и сѣкира при корнѣ дерева лежитъ“ (Мтѳ. 3, 10).

Послѣ Трулльскаго и седьмаго вселенскаго собора, осудившаго иконоборческую ересь, когда иконописаніе стало развиваться свободно, православные иконописцы не довольствовались уже изображеніемъ лица Предтечи, а стали изображать отдѣльныя событія изъ его жизни и дѣятельности. Такъ у преп. Ѳеодора Студита (798—826 г.) есть указаніе на цѣлый рядъ иконъ, представляющихъ мученическую кончину и погребеніе Предтечи. „Посмотри, говоритъ онъ, на икону, на гробъ праведника, и пойми отсюда, какъ святой, закованный въ желѣзо, вводится изъ темницы, какъ палачъ обнажаетъ мечъ противъ святой главы, какъ отсѣченная глава передается бѣснующейся Иродіадѣ, и святое тѣло похороняется руками его учениковъ, которые съ прискорбіемъ и плачемъ окружаютъ его 1)“. Но рядъ событій изъ жизни св. Іоанна Предтечи въ иконографическихъ изображеніяхъ начинается значительно раньше, именно: „зачатіемъ Іоанна Предтечи“, т. е., событіемъ возвѣщенія ангеломъ Гавріиломъ священнику Захаріи о рожденіи отъ него сына (Лук. 1, 8—12). Событіе это изображается обыкновенно въ такомъ видѣ. Представляется храмъ и алтарь; предъ алтаремъ стоитъ Захарія и держитъ правою рукою кадильницу; лѣвая рука его поднята вверхъ, взоръ обращенъ къ небу. Надъ алтаремъ ангель, говорящій: „не бойся, Захарія, ибо услышана молитва твоя“ (Лук. 1, 13); внѣ храма—толпа молящихся. Русское изображеніе этого событія, образецъ котораго можно видѣть въ иконописныхъ святцахъ за 23-е сентября, отличается тѣмъ, что вмѣсто одного представляетъ трехъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ бесѣдуетъ съ Захаріей, а другіе два видны изза завѣсы „святаго святыхъ“. Затѣмъ, въ восточной Церкви встрѣчается изображеніе „Рождества Іоанна Предтечи“; при чемъ событіе это представляется такъ. Елизавета лежитъ на

1) Пр. Соб. т. 2. 1897 г.

одрѣ; предъ ней служанка освѣжаетъ ее опахаломъ, возлѣ одра нѣкоторыя служанки омывають дитя въ купели, а Захарія, сидя, начертываетъ на бумагѣ: „Іоаннъ будетъ имя ему“ (Лук. 1, 57—63). Изъ дальнѣйшихъ событій въ жизни Іоанна Крестителя чаще другихъ изображается „проповѣдь Іоанна Крестителя“, при чемъ на всѣхъ изображеніяхъ Предтеча представляется проповѣдующимъ въ открытомъ полѣ. Но самымъ распространеннымъ изображеніемъ является несомнѣнно „Крещеніе Спасителя“, событіе, въ которомъ миссія Іоанна Крестителя достигаетъ своего завершенія. Сравнивая разныя изображенія этого событія, можно видѣть, что Іоаннъ Предтеча представляется въ нихъ различно: то стоящимъ, то склонившимся на одно колѣно предъ погруженнымъ въ Іорданъ Спасителемъ; его правая рука на головѣ Іисуса Христа, а лѣвую руку онъ простираетъ къ небу; вверху—Богъ Отецъ; Духъ Святой въ видѣ голубя нисходитъ на голову Іисуса Христа; по срединѣ луча, падающаго съ неба, помѣщаются слова; „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе“ (Мтѣ. 3, 17); влѣво отъ Христа стоятъ ангелы съ выраженіемъ благоговѣнія; внизу ихъ—одежды Христа. Ниже Предтечи, въ Іорданѣ, иногда изображается нагой человѣкъ съ сосудомъ, изъ котораго льется вода,—это олицетвореніе Іордана ¹⁾). Кромѣ изображеній крещенія, въ греко-восточной Церкви, какъ видно изъ свидѣтельства преп. Θεодора Студита, довольно рано стали изображать и событія, относящіяся къ смерти Іоанна Крестителя, послѣдовавшей отъ руки Ирода. Въ Аѳонскомъ „Руководителѣ иконописи“ указывается для изображенія четыре вида изъ послѣднихъ дней жизни Предтечи. Первый представляетъ Предтечу упрекающимъ Ирода за Иродіаду, жену его брата Филиппа, второй рисуетъ положеніе Предтечи въ темницѣ

¹⁾ На нѣкоторыхъ изображеніяхъ встрѣчаются два человѣка, олицетворяющихъ два притока, въ соединеніи которыхъ будто бы было крещеніе Спасителя. Пр. Соб. 87 г. т. 3.

предъ усѣкновеніемъ его главы, въ третьемъ изображается „Пиршество Ирода“ и, наконецъ, въ четвертомъ, наиболѣе распространенномъ, изображается собственно „Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи“. Мы уже указывали, что существуютъ, хотя и рѣдко, изображенія Іоанна Предтечи съ усѣквенной главой, но обыкновенно усѣкновеніе главы служитъ предметомъ для отдѣльныхъ изображеній, которыя дѣлаются почти всегда двойко. Одно изображеніе представляетъ воина съ мечемъ въ одной рукѣ и съ отсѣченной головой въ другой; у ногъ воина лежитъ обезглавленное тѣло, изъ усѣченного мѣста котораго струится кровь. Передъ воиномъ дѣвица, принимающая на блюдо отсѣченную голову Праведника 1). Другое изображеніе болѣе любимое иконописцами и болѣе распространенное, особенно въ Русской Церкви, представляетъ одну только отсѣченную голову Предтечи, лежащую на блюдѣ, во всю картину. Въ русской иконографіи встрѣчается еще изображеніе св. Іоанна Предтечи съ купелью или чашею, въ которой лежитъ младенецъ Христосъ. Образъ, очевидно, заимствованъ художникомъ съ крещенія младенцевъ и встрѣчается только въ русской и при томъ древней иконографіи.

Кромѣ перечисленныхъ нами изображеній Предтечи и событий изъ его жизни и дѣятельности, въ православной греко-восточной иконографіи существуютъ еще изображенія трехъ „Обрѣтеній главы Предтечи“ и изображеніе „Собора Іоанна Крестителя“. Въ Греціи первое, второе и третье обрѣтеніе главы св. Іоанна Предтечи изображаются всѣ три—различно, согласно съ преданіемъ о каждомъ изъ этихъ событий 2); но въ русскихъ лицевыхъ святцахъ за 24-е февраля, когда воспоминается первое и второе обрѣтеніе главы, и 25-е

1) См. „Лицевыя святцы“ за 29 авг.

2) Содержаніе преданія см. у Вишнякова „Святый великій пророкъ, Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ“ стр. 355—363, и полныя житія святыхъ, за 24 февраля.

мая, когда празднуется третье обрѣтеніе главы, эти изображенія пишутся всѣ одинаково, на подобіе перваго обрѣтенія, именно: представляется пещера, внутри ея, въ сосудѣ, голова св. Предтечи; предъ ней стоятъ два инока: одинъ съ киркой, другой колѣнопреклоненный и касается сосуда съ св. головой. Что касается иконописнаго изображенія „Собора Іоанна Предтечи“, которое находится въ лицевыхъ святцахъ за 7-е января, то оно вполне соотвѣтствуетъ этому празднику. Соборомъ пазывается день, слѣдующій за Богоявленіемъ и посвященный памяти св. Іоанна Крестителя. Изображеніе представляетъ Предтечу, который держитъ въ лѣвой рукѣ знамя, съ развивающимся флагомъ и оканчивающееся на верху крестомъ. Предтеча стоитъ на берегу, а въ рѣкѣ толпа народа по полямъ въ водѣ, которую онъ осѣняетъ правой рукой.

Таковы важнѣйшія иконописныя изображенія св. Іоанна Предтечи въ Православной восточной Церкви. Большая часть изъ нихъ, какъ мы видѣли, снована на евангельскихъ повѣствованіяхъ объ образѣ его жизни, характерѣ и дѣятельности. Какъ изображенія св. Предтечи, такъ и отдѣльныя изображенія разныхъ событій изъ его жизни и дѣятельности имѣютъ одну и ту же цѣль—вызвать у вѣрующихъ и молящихся мысль объ Іоаннѣ Крестителѣ, напомнить важнѣйшее время того высокаго служенія, ради котораго онъ былъ посланъ и его мученической кончины отъ руки Ирода. Изображенія нѣкоторыхъ событій появились, хотя и довольно поздно, какъ, напр., усѣкновеніе главы, но это обстоятельство нисколько не говоритъ противъ употребленія подобныхъ изображеній, если только они вполне приличны и соотвѣтствуютъ цѣли—вызвать мысль объ Іоаннѣ Крестителѣ. Слѣдуетъ только заботиться о томъ, чтобы частности на такихъ изображеніяхъ не составляли главнаго предмета иконъ и не затемнили основной мысли. Именно такимъ недостаткомъ часто и отличаются западные изображенія *Предтечи* *Свѣтъ*, символическое изображение агнца, удержанное на западѣ вопреки за-

прещенію Трулльскаго собора и седьмого вселенскаго, подъ вліяніемъ натурализма (съ 15 в.), дѣлается слишкомъ реальнымъ. Западныя художники изображаютъ его въ различныхъ небрежныхъ положеніяхъ, пуская при этомъ въ ходъ свое воображеніе, но тѣмъ самымъ только унижая высокую идею этого символа. Предтечу стали изображать пастушкомъ, который несетъ утомившагося ягненка и нѣжно гладитъ его. Полный произволъ воображенія художниковъ и преобладаніе въ западномъ искусствѣ натурализма привели къ тому, что западныя иконографическія изображенія даже въ томъ случаѣ, когда основываются на источникахъ, общихъ съ восточными, отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что впадаютъ изъ одной крайности въ другую, представляя Предтечу то въ видѣ молоденькаго юноши, обитающаго въ пустынѣ, едва прикрытаго звѣриной кожей, то въ видѣ суроваго мрачнаго старца, покрытаго сѣдыми волосами. Не довольствуясь, наконецъ, поэтической передѣлкою достовѣрныхъ свѣдѣній, западныя художники, въ погонѣ за реализмомъ, прибѣгаютъ прямо къ измышленію. Таковы, кромѣ указанныхъ, различныя вымышленныя сцены изъ дѣтства св. Іоанна Крестителя. Отрокъ Іисусъ и его маленькій товарищъ Іоаннъ представляются, наир., путешественниками, идущими вмѣстѣ, какъ два нѣжные друга; таковы же сцены прощанія Предтечи съ родителями и веденія его ангеломъ въ пустыню; таковъ же плодъ поэгическаго вымысла и изображеніе „входа Предтечи въ преддверіе рая“ или помѣщеніе кузнечика (сомнительный рамекъ на родъ пищи Предтечи въ пустынѣ ¹⁾) на головѣ агнца, изъ которой струится вода. Желая доказать правильность своего обряда обливанія, совершаемаго при крещеніи младенцевъ въ западной Церкви, западныя художники и крещеніе произвольно изображаютъ въ формѣ обливанія Спасителя изъ чаши, а не въ формѣ погруженія, опять-таки вопреки

1) См. мнѣніе объ этомъ епископа Порфирія Успенскаго въ его „Книгѣ бытія моего“.

евангелію (Мтѣ. 3, 16; Мрк. 1, 9 — 10). Всѣхъ такихъ и подобныхъ имъ изображеній въ восточной иконографіи совсѣмъ не встрѣчается. Тогда какъ на западѣ (съ 15 в.) церковное искусство, покончивъ совершенно съ иконографическими преданіями, стало преслѣдовать цѣли художественнаго реализма, оставя въ сторонѣ интересы религіозныя, и западные художники нарочно стали выбирать такіе предметы, въ которыхъ лучше представляется случай изобразить красоту молодого человѣка или женщины и нарисовать поэтическую картину природы, восточная Церковь чутко стояла на сторожѣ древняго иконописнаго преданія. Что же касается Русской Церкви, то у насъ церковная власть еще строже заботилась объ охранѣ въ цѣлости древняго византійскаго иконописнаго преданія и о недопущеніи вторженія въ нашу иконографію новыхъ идей и появленія въ ней мотивовъ, чуждыхъ обще-признанныхъ церковнымъ образцамъ. Даже въ незначительной самодѣятельности иконописца наши предки видѣли не болѣе, какъ произволь, нарушавшій чистоту византійско-русскаго преданія. Дѣло, какъ мы знаемъ, дошло до того, что изъ опасенія, какъ-бы не привзошло въ церковную живопись чего-нибудь свѣтскаго, иконописцу совсѣмъ запрещено было употреблять свою кисть на изображеніе предметовъ, не принадлежавшихъ къ области церковно-религіозной. Тѣмъ не менѣе и на Руси, не смотря на всю заботливость, не удалось обезпечить иконописное дѣло отъ порчи и свѣтскихъ мотивовъ западнаго искусства. Постепенное ослабленіе, а съ паденіемъ въ половинѣ 15 в. Константинополя, и совершенное прекращеніе церковно-художественнаго вліянія Византіи на Русь, съ одной стороны, и все болѣе и болѣе возраставшій въ послѣдней спросъ на иконы, привлекавшій къ занятію иконописью людей мірскихъ и зачастую въ ней не свѣдущихъ 1), съ другой — не могли благотворно отзываться на

1) См. о положеніи иконописнаго дѣла въ это время въ Стоглав. 43 гл. стр. 150—154 по изд. 1863 г. Кожавчикова.

иконографіи. При такихъ обстоятельствахъ западному иконографическому вліянію не трудно было попасть и въ мастерскія русскіихъ иконописцевъ. Сначала чрезъ Новгородъ и Псковъ, а затѣмъ чрезъ Литву, Польшу и Малороссію западныя произведенія мало-по-малу переходили къ намъ на Русь въ видѣ иконъ, живописныхъ картинъ и особенно печатныхъ или гравированныхъ листовъ, которыми во множествѣ снабжали насъ, какъ и въ настоящее время, нѣмецкія земли къ великому соблазну благочестивыхъ людей. Обширный рынокъ для сбыта эти издѣлія находили всюду, гдѣ чувствовался недостатокъ въ своихъ мастерахъ. А между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ христіанство распространялось въ разныхъ уголкахъ нашего отечества, увеличивался и спросъ на иконы и едва-ли въ какой другой странѣ христіанскаго міра онъ былъ такъ великъ, какъ у насъ въ Россіи. Для изготовленія иконъ въ обширныхъ размѣрахъ потребовалось и множество рабочихъ; но если и въ настоящее время ощущается недостатокъ въ нихъ, то въ 15 — 16 вв. тѣмъ болѣе трудно было найти людей хоть съ самою малою подготовкою къ занятію иконописью. За дѣло брались полныя невѣжды и если принять во вниманіе, что множество простого народа и не могло по своему развитію требовать много отъ церковнаго живописца, то легко будетъ понять, почему у насъ такъ много неправильно и плохо написанныхъ иконъ. По своей неразвитости простой народъ спрашиваетъ отъ живописца предметовъ не столько художественныхъ, сколько занимательныхъ и назидательныхъ, и удовлетворяется въ большинствѣ случаевъ, когда неуклюжія миниатюры разнаго рода сборниковъ или лубочныя картины топорной работы приходятъ на помощь его умственному и нравственному воспитанію. На обязанности пастыря — охранять православный народъ отъ глупаго подчасъ вліянія лубочныхъ издѣлій и дать ему возможность питаться болѣе чистымъ источникомъ, что въ настоящее время, какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ, для ревностнаго пастыря вполне возможно.

Величіе и важность пастырскаго служенія.

(Изъ сочиненій русскихъ духовныхъ писателей 18 вѣка).

О величіи и важности пастырскаго дѣла русскіе духовные писатели прошлаго столѣтія учатъ особенно много. Святители 18 в. старались поглубже внѣдрить въ сердцахъ и умахъ своихъ іереевъ то необыкновенное величіе и важность ихъ служенія, которыми, соотвѣтственно его божественному происхожденію и цѣли, отличается оно. Это величіе и важность пастырскаго служенія наши архипастыри усматривали въ наименованіяхъ, которыя усвоятся преемникамъ апостольскаго служенія, и въ тѣхъ дѣйствіяхъ и полномочіяхъ, въ какихъ оно проявляется. „Священникъ, говоритъ св. Тихонъ Воронежскій, есть пастырь овцамъ, слѣпымъ вождь, заблуждшимъ наставникъ, о грѣшникахъ молитвенникъ, предстатель о всѣхъ ближайшій, Божій слуга, свѣтъ міру, соль земли, градъ верху горы стоящій, свѣтильникъ, на свѣщницѣ поставленъ“ ¹⁾. Провождая сближеніе между свѣтилами небесными и пастырями Церкви Христовой, св. Димитрій Ростовскій, для выраженія высоты служенія послѣднихъ, говоритъ: „свѣтила небесная, на высотѣ безмѣрной Божиимъ устроеныемъ поставленныя, далече отъ земли отстоятъ, и архіереи въ церковномъ небѣ не низкое содержатъ мѣсто, но превысочайшее, суще образъ Сына Божія, и разствуютъ премного отъ подначальныхъ своихъ властію и святынею. Иже бо суть подъ архіерейскимъ правленіемъ, овцы суть, а архіерей пастырь: ты чада, а онъ отецъ: ты ученики, а онъ учитель: ты чловѣцы, а онъ ангелъ чистымъ и святымъ житіемъ“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ образъ Пастыря Церкви Онъ видитъ „въ херувимахъ шестокрыльныхъ, четвероличныхъ, многоочитыхъ“, которыхъ у престола Божія нѣкогда лицезрѣлъ св. Іоаннъ

1) Твор. св. Тихона Задон., т. 3, стр. 229.

2) Твор. св. Димитрія Рост., ч. 3, стр. 221—222.

Богословъ 1). Усвоивъ пастырямъ Церкви различныя имена, „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ въ то же время даетъ имъ соотвѣтствующія объясненія и смыслъ. Почему іерей называется ангеломъ Господа Вседержителя? Потому, рассуждаетъ Книга, что онъ, какъ посланникъ Божій, какъ посредникъ между Творцомъ и тварью, долженъ, подобно безплотнымъ духамъ, возвѣщать людямъ волю Божию. Возвѣщая же волю Божию людямъ, іерей обязанъ имѣть „денно ночное о спасеніи душъ промышленіе“ 2), разумно пая порученныхъ ему отъ Господа людей, защищая ихъ отъ дьявольскаго расхищенія и врачуя ихъ душевныя немощи единственно ученіемъ Слова Божія. Такая обязанность служителя Церкви даетъ ему новое названіе—пастыря. Именуется онъ также и надзирателемъ, потому что, наблюдая за религіозно-нравственною жизнію своихъ пасомыхъ, грѣшниковъ и уклонившихся съ истиннаго пути, долженъ исправлять и возвращать на путь спасенія возвѣщеніемъ „откуда идетъ на нихъ мечъ ярости Господней“. Зовутъ служителя Церкви отцемъ и опять не безъ причины: на немъ, какъ на имѣющемъ къ своимъ духовнымъ дѣтямъ матернюю утробу, лежитъ священная обязанность рождать христіанъ Богу и воспитывать ихъ благовѣствованіемъ и тайнодѣйствіемъ. Онъ, далѣе, другъ жениховъ и увѣститель, такъ какъ неуспынно и ревностно долженъ заботиться о томъ, чтобы свой приходъ, какъ чистую дѣву, обручить и представить Небесному Жениху Христу Спасителю 3). Наконецъ, пастырю Церкви принадлежатъ такія высокія имена, какъ свѣтъ міра, соль земли, споспѣшникъ Божій, архитекторъ зданія Божія, земледѣлатель, жатель, дѣлатель винограда и воинъ 4). — „Дерзаю воспросити тя, обращается съ просьбою въ „Діалогизмъ“ Варла-

1) Твор. св. Димитрія Рост., ч. 3, стр. 358.

2) „Катихизисъ“ митр. Платона, т. 8, стр. 347.

3) Книга о должн. пресв. приход. Примѣч. къ § 11.

4) Тамъ же, примѣч. къ §§ 4 и 5.

ама Голенковскаго „Любитель“ въ „Любви“, не имѣеть ли (іерей) иного коего имене? иныя титулы, кромѣ священника?“— Любовь: „о, премногіе имѣеть титулы“... Любитель: „въ кратцѣ извѣсти ми о именахъ ихъ“. Любовь: „не азъ, но писаніе святое извѣщаетъ. Въ главѣ 2-й пророка Малахіи, иже ангеломъ его нарицаеть, нарицается отъ Евангелиста Іоанна пастыремъ; отъ апостола Павла учителемъ, строителемъ таинъ Божіихъ, ходатаемъ между Богомъ и человекомъ; отъ Луки святого намѣстникомъ Христовымъ, отъ Матѳея святого: соль земли, свѣтъ міру, свѣтильникомъ, на свѣщницѣ поставленнымъ, да всѣмъ свѣтитъ, и прочіими именами, отъ прочіихъ учителей и свитителей церковныхъ титулится неизреченнѣ и безчисленнѣ 1). Вотъ о какомъ величїи служенія пастырей Церкви говорятъ присущія имъ имена!

Но особенно ярко, по ученію нашихъ духовныхъ писателей 18 вѣка, открывается неизмѣримое величїе и высота пастырскаго дѣла въ тѣхъ необыкновенныхъ дѣйствїяхъ, какія совершаетъ служитель алтаря, и въ тѣхъ полномочїяхъ, какими свыше надѣленъ онъ. Пастырь Церкви—священникъ Бога Вышняго. Онъ совершаетъ тайнодѣйствїя, которыя, умиловляя Бога, созидаютъ спасеніе вѣрующихъ: „онъ Строитель таинъ благодати“ 2). Говоря о таинствѣ покаянія, св. Димитрій Ростовскій спрашиваетъ: „кто можетъ оставлять грѣхи, токмо единъ Богъ“ (Мар. 2, 7)? И то, что имѣеть власть совершать одинъ только Богъ, по силѣ той же власти, совершаетъ и священникъ. Онъ „рѣшитель отъ Бога учиненный“. Къ нему приходятъ всѣ мучимые совѣстью и обремененные грѣхами, и онъ, „понеже Самого Христа Бога Судїи праведнаго содержитъ мѣсто“, благодатію Всесвятого

1) „Диалогизмъ“ Варл. Голенк. ч. 1, Беседа 1, листъ 3-й и на оборотѣ. Изд. Кіевъ 1707 г.

2) Сочин. св. Тихона, т. 1, стр. 10; ср. „Камень вѣры“ Стефаза Явор. Стр. 173; наст. іереемъ, еп. Гервасія Переяславскаго, Рус. для сельск. паст. 1860 г. № 20, стр. 25. Сочин. митр. Платона, т. 6, стр. 168.

Духа, отпускаетъ имъ грѣхи, заключаетъ миръ между оскорбленнымъ Богомъ и виновными людьми и тѣмъ содѣлываетъ ихъ спасеніе ¹⁾. Имѣя „премошную власть“ вязати и отпушати грѣхи, равную съ Богомъ, пастырь Церкви, говоритъ Варлаамъ Голенковскій, какъ ключемъ или отверзаетъ кающимся небеса, или заключаетъ ихъ „въ геенну огненную“ ²⁾.

Но еще болѣе удивительную власть являетъ пастырь Церкви, когда предстоитъ предъ престоломъ вѣчнаго Царя славы и совершаетъ великое и святѣйшее таинство Евхаристіи. Уполномоченный отъ Господа Иисуса Христа высочайшимъ правомъ, какого не имѣютъ и ангелы, служитель алтара, находясь на землѣ, распоряжается небеснымъ. Съ чувствомъ особеннаго благоговѣнія и умиленія о пастырѣ — совершителѣ страшной и безкровной жертвы Евхаристіи говоритъ Варлаамъ Голенковскій. Подавленный сознаниемъ необычайности совершаемыхъ іереемъ дѣйствій въ св. таинствѣ Евхаристіи, онъ не находитъ достаточно словъ, чтобы надивиться этимъ дѣйствіямъ. При мысли о томъ, что простой хлѣбъ и вино пресуществляются въ истинное Тѣло и Кровь Христа Спасителя, и затѣмъ, что „пречистаго Христа Господа іерей въ рукахъ держитъ, на части перстами раздробляетъ и преломляетъ“, онъ восклицаетъ: „ужаснися о семь небо, вострепещи земля!“ ³⁾. „Великая и пречудесная священникъ творить дѣла ихже не единъ отъ ангелъ и архангелъ, херувимовъ и серафимовъ не дѣляетъ. Хлѣбъ бо простой въ Тѣло Христово, вино же въ Кровь Его животворную претворяетъ. Оле чудесе превеликаго! о преизящества священническаго! Власть превеликая дана бысть иногда Иисусу Навуну; когда на повеленіе его ста солнце: несравненно

1) Твор. св. Дим. Рост., ч. 1, стр. 105.

2) „Диалогимъ“, Варл. Голенк., бесѣда 2, листь 11; ср. поуч. слово прееса. Анастасія (Братановскаго), часть 3, стр. 1, изданіе Москва 1806 г.

3) „Диалогимъ“ Варл. Голенк., бесѣда 3, листь 12 и на обор.

большая дадеся іерееви. Овъ бо сотвори стати солнцу, идѣже первѣ бысть: священникъ Христу, на небеси сущему, творить не бысть пребывати, *sic* есть во олтарѣ подѣ видомъ хлѣба и вина. Тому тварь повинуся, сему же Творецъ. Того солнце единого глаголющаго послуша: сего же слушаетъ Богъ только кратъ, ялико жертву творить безкровную“¹⁾... „Лобызаю, любызаю руки ваша благословенныя и благословляющія, святыя и освящающія, Бога держащія подѣ видомъ хлѣба, и Богомъ держимыя“²⁾.

Высокими именами, даваемыми пастырю Церкви, и божественною властію совершать таинства Христовы писатели 18 вѣка не исчерпываютъ всего необъятнаго величія и важности пастырскаго служенія. Это величіе и важность они усматриваютъ еще въ нравственномъ руководствѣ, духовномъ врачеваніи и бдительности о спасеніи тѣхъ людей, за которыхъ Христъ Спаситель „излилъ Свою кровь, которая едина капля неоцѣненна“³⁾. Пастырь, по словамъ Стефана Яворскаго, поставленъ „на высотѣ престола“ и оттуда наблюдаетъ „всякія бѣды находящія“, и проповѣдію Слова Божія, предохраняя вѣрующихъ отъ грѣха и козней дьявольскихъ, насаждаетъ въ сердцахъ ихъ „всякую благостыню, всякую добродѣтель, законъ и страхъ Божій“ и такимъ образомъ устрояетъ временное и вѣчное ихъ спасеніе⁴⁾. Пастырь Церкви пасетъ, ведетъ по пути къ спасенію и царствію небесному „такое сокровище, которое Христъ не могъ дешевле купить, только цѣною Крови Своей“⁵⁾. Присутствіемъ въ Церкви пастырей обусловливается вѣчное спасеніе и будущее блаженство вѣрующихъ. Не будь ихъ—продолжателей

1) „Диалогизмъ“ Варл. Голенк. листъ 11 и на оборотѣ.

2) Тамъ же, бес. 3, на оборотѣ 24-го листа.

3) Твор. св. Тихона Зад., т. 1, стр. 19.

4) Преп. Стефана Явор., ч. 3, стр. 117 и 136. Изд. Москва 1805 года.

5) Собр. сочин. Георгія Кониск. ч. 2, стр. 136. Изд. Спб. 1835 года.

великаго дѣла спасенія и примиренія людей съ Богомъ, людей ожидала бы только одна погибель и осужденіе. Сознавая всю важность и значеніе нравственнаго руководства пастырей и непосредственное участіе ихъ въ дѣлѣ спасенія вѣрующихъ, врагъ рода человѣческаго—діаволь всѣ усилія и злокозненныя дѣйствія свои употребляетъ прежде всего на то, чтобы низложить или уловить въ свои пагубныя сѣти пастырей церковныхъ. „Никто бо такъ врагу сему не досаждаеть, какъ пастыри. Ибо они темное его царство и власть Словомъ Божіимъ и силою Духа Святаго разрушаютъ, и изъ рукъ его души христіанскія — любимую его корысть восхищаютъ“¹⁾. Такимъ образомъ, отъ бдительности и духовнаго руководства пастыря, заключающихся въ постоянномъ и тщательномъ наблюденіи за религіозною и нравственною жизнію своихъ пасомыхъ, зависитъ спасеніе послѣднихъ. „Признаюсь, съ благоговѣйнымъ страхомъ вскликаетъ святитель Меѳодій (Смирновъ), прощаясь съ своею Воронежскою паствою, и теперь темнѣтъ свѣтъ въ очахъ моихъ, при единомъ воображеніи сего великаго Божія залога, сего и самымъ небеснымъ силамъ страшнаго храненія христіанскихъ душъ, стяжаныхъ Кровію Господа и Бога“.

Желая болѣе наглядно изобразить высоту пастырскаго служенія, русскіе духовные писатели прошлаго столѣтія представляли поучительные примѣры того, какъ нѣкогда самыя высокіе умы и великіе подвижники вѣры и благочестія, глубоко проникнутые сознаніемъ необыкновеннаго величія и важности пастырскаго дѣла, или въ страхъ и ужасъ отступили отъ него, скрываясь въ дикихъ дебряхъ и пустыняхъ, или притворялись юродивыми и лишали себя какихъ-либо членовъ тѣла, или же, если смиренно и съ смущеніемъ принимали на себя священное званіе, не иначе, какъ по долгу послушанія. Таковы были слѣдующіе знаменитые отцы Цер-

¹⁾ Твор. св. Тихона Зад., т. 10, стр. 80, 81.

вый, св. Маркъ и многіе другіе, которые какъ своею бого-словско-проповѣдническою дѣятельностію, такъ равно и вы-соко-христіанскою, благочестивою жизнію послужили укра-шеніемъ священнаго чина ¹⁾).

Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики.

На какомъ основаніи полагаются вѣнцы на престолъ, и слѣдуетъ ли предъ отпускомъ вѣнчанія читать молитву на разрѣшеніе вѣнцовъ въ восьмой день? Въ древнихъ Треб-никахъ (напр., въ Требникѣ, списанномъ съ греческаго ми-троп. Кипріаномъ) прямо говорится: „стоитъ же на святой трапезѣ... вѣнцы, потирецъ стѣклянъ и исполненъ вина“... Тоже замѣчаніе относительно брачныхъ вѣнцовъ можно встрѣ-чать и въ другихъ чинахъ обрученія и вѣнчанія, относящих-ся къ болѣе позднему времени—вѣку 16 (Богослуж. въ Русск. Церкви въ 16 в., Дмитріевскаго. Ч. 1, стр. 389 и 392. Ка-зань 1884 г.). Посему нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, если бы вѣнцы (равно какъ и обручальные перстни) брались священникомъ съ престола, какъ отъ Самого Го-спода, что соотвѣтствуетъ и общему смыслу читаемыхъ мо-литвъ. Что касается отсутствія этого обычая въ первенствующей Церкви, то это объясняется исторіей самихъ вѣнцовъ. Въ первенствующей Церкви вѣнцы не были священной при-

¹⁾ Твор. св. Дим. Рост., ч. 3, стр. 359; ср. Книга о должн. пресв. приход. Примѣч. къ § 7; ДIALOGИЗМЪ Варл. Голенк., бес. 3, листъ 10.

свидѣтельству Теофана Прокоповича, было великое разнообразіе вѣнцовъ: одни были подобны дѣвическимъ повязкамъ, другіе—съ рогами или лучами; иные—съ лиліями и дужками. Въ Малороссіи употреблялись въ видѣ плоскихъ—въ вершокъ ширины—обручиковъ, украшенныхъ шарами или позолоченныхъ. Очевидно, только въ болѣе позднее время вѣнцы получили настоящую свою форму и стали священною принадлежностью храма.

Относительно же молитвъ на разрѣшеніе вѣнцовъ можно сказать слѣдующее. Новобрачные у насъ не носятъ вѣнцовъ въ продолженіе семи дней: вѣнцы снимаются съ нихъ въ указанное время еще до окончанія вѣнчанія, тѣмъ не менѣе по окончаніи вѣнчанія молитву „на разрѣшеніе вѣнцовъ во осмый день“ слѣдуетъ прочитывать. Подобно сему и новопросвѣщенные у насъ, хотя бы и возрастные, не ходятъ въ бѣлыхъ крещальныхъ одеждахъ въ продолженіе семи дней и не приходятъ въ 8-й день по крещеніи для снятія бѣлыхъ одеждъ при посредствѣ и молитвѣ священника, но положенныя въ 8-й день по крещеніи молитвы „во еже омыти“ и на разрѣшеніе пеленъ и пояса все таки прочитываются тотчасъ же по крещеніи. Еще лучше, гдѣ есть обыкновеніе (а такое обыкновеніе есть въ селахъ), чтобы новобрачные въ вѣнцахъ сопровождались изъ церкви до своего дома, гдѣ иногда вѣнцы остаются до 8-го дня, когда священникъ приглашается въ домъ прочесть положенную молитву „на разрѣшеніе вѣнцовъ во осмый день“. Значеніе словъ молитвы: „Согласная достигше..., и спрятавше... знаменія“ таково. Когда отецъ выдаетъ въ замужество свою дочь, тогда онъ договаривается съ отцемъ жениха или съ будущимъ свекромъ своей дочери о своемъ приданномъ и общается это приданное укрѣпить надлежащими документами при вѣрныхъ свидѣ-

тымъ“. Рукоположенный діаконъ приобщается первымъ изъ діаконовъ: онъ удостоивается предпочтенія предъ другими за то, что въ немъ совершилось обновленіе Божественной благодати. „По отнесеніи Божественныхъ Даровъ на предложеніе, когда слѣдуетъ быть окончательной молитвѣ, новорукоположенный діаконъ читаетъ прошенія, чрезъ то свидѣтельствуя предстоящимъ людямъ, что онъ поставленъ служителемъ Бога и получилъ отъ Него благодать творить прошенія, призывать народъ къ молитвамъ и прошеніямъ и возносить ихъ къ Богу, въ чемъ и состоитъ должность служебная (Сим. Солунск.). Безъ священника діаконъ не имѣетъ права совершать никакихъ службъ церковныхъ (даже паннихидъ и молебновъ). Московскій соборъ 1667 г. не позволяетъ діаконамъ даже кропить въ домахъ св. водою безъ крайней нужды, называя это безчинствомъ: священникъ бо святитъ воду, ему же достойтъ и кропити, а не діакону, кромѣ нужды; діаконъ же токмо да держитъ сосудъ со св. водою, зане слуга есть (Дополн. къ Акт. Ист. т. 5, стр. 468).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 25 іюля 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.